Николай КАЩЕЕВ,
директор аналитического
департамента, Промсвязьбанк

Мягкий сценарий

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». (Л. Н. Толстой)
«...и наоборот». (Анонимный автор в Facebook)

Почти все согласны с тем, что история ничему не учит. Наверное, потому, что из истории с относительной легкостью можно приготовить рагу, приятное и для заказчика, и для кулинара. По-настоящему же полезные уроки истории, напротив, далеко не всегда приятны, так зачем портить себе настроение и подвергать сомнению эпохальные замыслы? Ну да это все про дела прошлого... Что интересно, некоторые уроки преподаются нам прямо сейчас, сегодня и в пределах транспортной доступности. И что же? Мы на них чему-то учимся? Вот, судите сами.

Покойный ныне Уго Чавес, бывший офицер венесуэльской армии, в которой во время его военной службы широко было распространено увлечение офицерства левыми взглядами, участник неудачного «боливарианского» государственного переворота 1992 года, пришел к власти в Венесуэле в качестве президента в самом конце 1990-х годов на фоне многолетнего торжества двухпартийной системы, которая тем не менее не отменяла традиционную и всепроникающую коррупцию по-латиноамерикански. Пришел, чтобы остаться: Уго переизбирался президентом четыре раза, а его преемник, г-н Мадуро, всего лишь продемонстрировал, во что превращаются вождистские идеи после неизбежной смерти их носителя, и кроме того, видимо, готов довести их до логического конца. «Бессмертные» идеи Чавеса — это сплав социалистических взглядов и «боливарианского» национализма. Не особенно оригинально для вождя — любимца небогатых масс, не правда ли?

Двухпартийная система в Венесуэле, определившая главенство двух партий — Демократического действия и Социал-христианской партии, — образовалась давно, в результате акта доброй воли: подписания в 1958 году в городе Пунто Фихо «мирного» договора между изначально тремя сторонами, партиями-участниками, которые, если говорить по-простому, обязались уважать результаты выборов и не устраивать после них смуту и герилью — распространенный в те времена аттракцион в том же латиноамериканском духе. Обычно на южноамериканском континенте неприятие результатов выборов заканчивалось — после более-менее продолжительной смуты — военной диктатурой.

Несмотря на благие намерения, соглашение в Пунто Фихо, не отменявшее существование других партий, которых в стране было не так мало, но де-факто делившее власть между двумя из них, вскоре выродилось в монополию на власть, причем, что характерно, основанную на патернализме. Венесуэла всегда была нефтяной страной и страной, в которой массы бедных жителей из сельской местности начали перетекать в города в погоне за куском нефтяной ренты. Та, конечно же, распределялась неравномерно: прежде всего среди электоральной базы двух партий, к каковым жители барриос (трущоб) относились во вторую очередь. Можно сказать, что бенефициары Пунто Фихо проспали подъем будущего чавесистского электората.

В 1980-х, с падением нефтяных цен, электоральная база двух партий начала стремительно эродировать. В итоге в 1998 году Чавес, ворвавшийся ярким метеором в стагнирующую венесуэльскую политику и выступивший против системы Пунто Фихо, набрал на президентских выборах 56% голосов нации при явке 63%.

Затем боливарианский президент принялся воплощать свои эгалитарные идеалы. Шоу началось. В какой-то момент президент Чавес появился на телеэкранах в декорациях кухни в обычной квартире, чтобы публично зачеркнуть «капиталистический» ценник на новом холодильнике (made in China) и повесить бирку: «Скидка Чавеса». Чтобы устраивать подобные сеансы массового ухаживания за избирателем регулярно, г-н Чавес потратил часть своего первого президентского срока на установление контроля над широко известной сегодня государственной нефтяной компанией PDVSA, а затем — в целях реиндустриализации, модернизации и всяческого развития Венесуэлы — на создание специального суверенного инвестиционного фонда, известного как Fonden. Об этом чуть ниже.

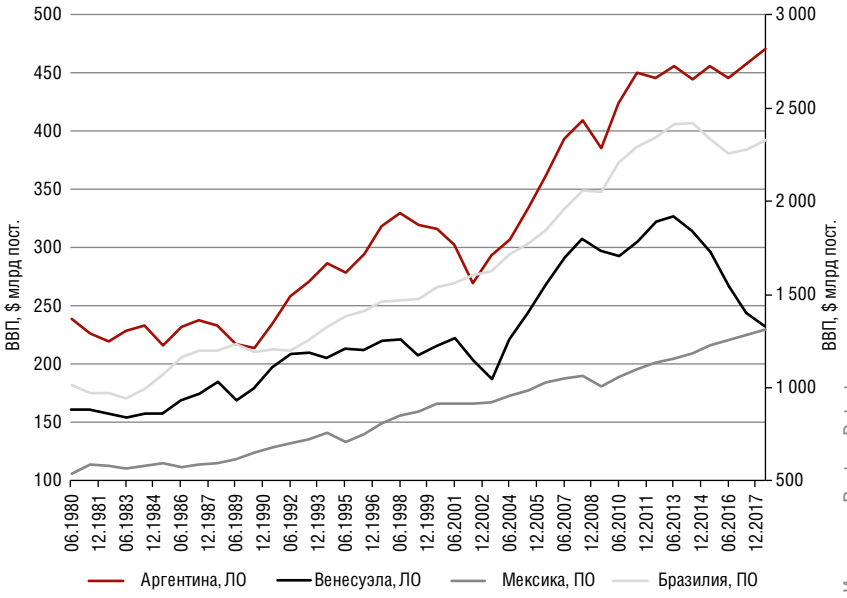
Кредитные рейтинги Венесуэлы на апрель 2018 года: от Moody's — C / стабильный, от Fitch — RD, от S&P — SD. В конце 1999 года они были такими: от Moody's — B2 / стабильный, от Fitch — BB- / негативный, от S&P — B / стабильный. Наивысший исторический рейтинг страны от S&P AA продержался с 1977-го по 1983 год, когда падение цены нефти прекратило относительное процветание страны.

В 2015 году счет текущих операций Венесуэлы, как правило, следующий, конечно же, за ценой нефти, ушел в отрицательную область, где и оставался как минимум до конца 2016 года (более свежих данных не найдено), причем в 2015 году дефицит достигал почти 8% ВВП, а в 2016-м — 2.4%. Про рыночный курс боливара мало что можно сказать адекватного, потому что обменные курсы в стране, как водится при различных боливарианских ограничениях, множественные. Однако, согласно имеющейся информации, официальный курс — 49.4 тыс. боливаров за доллар, тогда как по довольно свежим данным «с мест» курс черного рынка — 300 тыс. (!) боливаров за доллар. Еще в 2009 году международные резервы Венесуэлы несколько превышали $40 млрд, сегодня они насчитывают $9.6 млрд.

Рисунок 2 отражает некоторые показатели состояния чавесистско-боливарианской экономики, при рассмотрении которых стоит учесть две вещи: к обычному значению инфляции следует прибавить скрытую «социалистическую» компоненту — в СССР она выражалась в дефиците товаров, что в полной мере характерно для нынешней Венесуэлы. Цена бензина в долларах США отражает в большей степени официальную девальвацию боливара и «железную» экономико-политическую волю Мадуро, чем что-то иное. Вероятно, платежеспособный спрос на бензин также не столь уж высок в стране, хотя известно, что в Венесуэле существует и черный рынок ГСМ, что бы это ни значило. Ну и банковский процент, как вы понимаете, отражает что-то глубоко специфическое, во что мы углубляться тут не станем. И так все примерно ясно.

СТРЕМЛЕНИЕ ТВОРИТЬ ДОБРО, ПОСТОЯННО ВЫХОДЯЩЕЕ БОКОМ НАСЕЛЕНИЮ, ХАРАКТЕРНО ДЛЯ ЛЕВЫХ НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ВОЖДЕЙ

Рисунок 1
Динамика ВВП в некоторых странах Латино- и Центральноамериканского региона, в млрд постоянных долл. США



Источник: Reuters Datastream

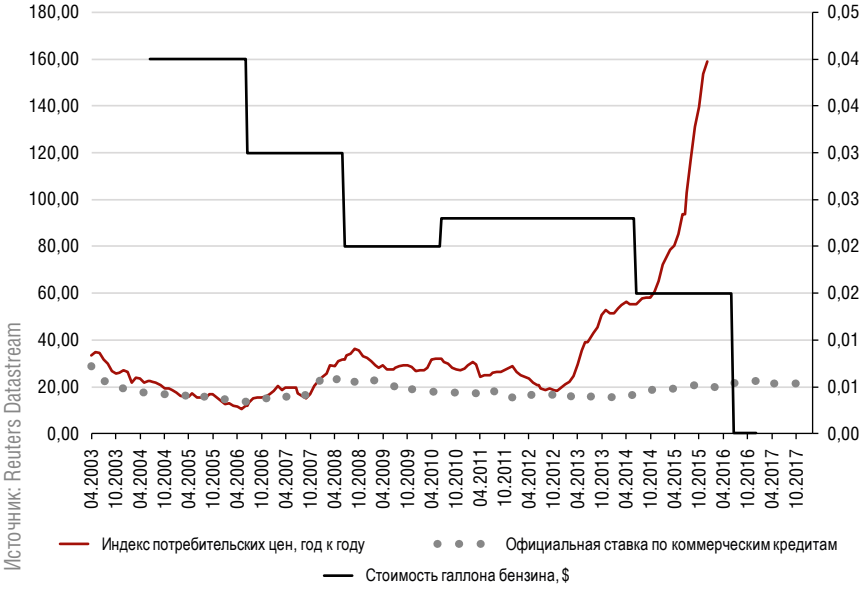


Рисунок 2
Инфляция, банковский процент и стоимость бензина в Венесуэле

ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ, ЧТО В ФОНДЕ FONDEN С 2005 ГОДА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В ОБЩЕЙ СЛОЖНОСТИ ПОБЫВАЛО НЕ МЕНЕЕ $145 МЛРД НЕФТЯНЫХ ДОХОДОВ

Помимо инфляции в Венесуэле есть один показатель, демонстрирующий год за годом стабильный рост под углом 45 градусов к оси абсцисс. Это — население страны. В 1969 году жителей Венесуэлы насчитывалось 10 млн человек. В 2016 году их было 31 млн. Правда, при этом индекс потребительской уверенности (от компании Nielsen) с пика 2012 года (начало измерений — 2010 год) на уровне 89 пунктов упал до 58 на начало 2017 года. Вероятно, сегодня он был бы еще ниже, но про более свежие измерения мы ничего не знаем.

Стоит ли говорить, что боливарианская страна находится в перманентном конфликте с главным покупателем своей нефти и источником несколько более полезных денежных единиц, чем боливар, – США? 44 венесуэльских политических деятеля находятся под американскими санкциями за коррупцию и злоупотребление властью. 4 человека оказались под санкциями в этом году.

В 2017 году Трамп подписал закон, запрещающий торговлю в американских торговых системах новым суверенным долгом Венесуэлы и обязательствами PDVSA (Petróleos de Venezuela, Sociedad Anonima). Это означает невозможность выпуска обязательств, номинированных в долларах (желающие могут найти детали санкций на госдолг в Интернете). Как правило, это вызывает серьезные ограничения и на доступ к глобальным финансовым рынкам в целом. Евросоюз присоединился к точечным санкциям против страны и наложил эмбарго на поставку туда оружия. Причина: злоупотребления властью боливарианской верхушкой.

В довершение картины в марте этого года Трамп запретил сделки с «виртуальной валютой» petro. Вопрос об эмбарго на импорт венесуэльской нефти время от времени обсуждается, но пока консенсус не достигнут.

В ответ на санкции венесуэльский министр иностранных дел Хорхе Ареаза заявил следующее: «Мы никогда не сдадимся никакой внешней силе, и тем более — империалистическим и милитаристским силам гегемонистского правительства Дональда Трампа. Мы требуем уважения». Империалисты янки пока особого уважения не выказывают. В это самое время требующие уважения к себе боливарианцы арестовывают предпринимателей за создание непозволительных запасов туалетной бумаги: желающие ознакомиться с этой занимательной историей могут поискать статью, озаглавленную Venezuela Is Falling Apart на сайте TheAtlantic.com.

Стремление творить добро (в собственном понимании), постоянно выходящее боком населению, характерно для левых национально ориентированных вождей (что бы мы ни имели в виду, произнося это).

Вскоре после прихода к власти Уго Чавес столкнулся с неприятием его левацкой политики, опиравшейся на позитивную реакцию вчерашних сельских жителей, населявших барриос, разраставшиеся вокруг больших городов, со стороны образованного и буржуазно-ориентированного класса. В частности, сотрудники главной «дойной коровы» Венесуэлы — нефтяной компании PDVSA в ответ на уличные беспорядки 2002 года, когда сторонники неистового Уго застрелили несколько противников, и последовавший неудачный военный переворот, в результате которого Чавес, эта воплощенная карма Венесуэлы, вернулся во власть, организовали забастовку, которая должна была пошатнуть власть боливарианского популиста.

Что за «национально-ориентированная» политика Чавеса? Несложно догадаться. Снабжая беднейшие слои субсидируемыми кухонными принадлежностями по бросовым, «антикапиталистическим» и «антиимпериалистическим» ценам, Чавес занимался концентрацией власти в своих руках хорошо известным путем: через уничтожение разделения властей. Собственно, для Венесуэлы было достаточно узурпации двух важнейших рычагов: армии и PDVSA. (Наверное, поэтому, добившись сокрушительной победы на этих фронтах — победы в конечном итоге над экономикой, здравым смыслом и развитием страны, — Чавес оставил в относительном покое оппозицию.)

Ловкий бывший военный воспользовался обеими атаками на свою персону — со стороны военных и служащих PDVSA — и захватил контроль над армией и нефтяной компанией. Теперь на пути к абсолютной власти Чавеса удерживала лишь его относительно добрая воля. Тут-то глава боливарианской революции и занялся реиндустриализацией Венесуэлы вплотную.

В качестве инструмента было создано несколько инвестиционных фондов с совершенно непрозрачной структурой, среди которых наиболее крупный известен под названием Fonden. Предполагается, что в этом фонде с 2005 года по настоящее время в общей сложности побывало не менее $145 млрд нефтяных доходов. В 2011 году, например, фонд получил до 25% доходов бюджета от продажи нефти Венесуэлой. При этом наиболее детальные сведения о его расходах исходили от самого Чавеса, который прямо во время своих бесчисленных ток-шоу на телевидении распоряжался о выделении на те или иные приятные бедным венесуэльцам проекты миллионов долларов.

Часть этих инвестиций пошла на строительство больниц и дорог, что вызывало энтузиазм жителей барриос, некоторые проекты просто бросали не исполненными до конца. Например, $300 млн было потрачено на закупку новых автобусов, но они так и не отправились в рейсы и постепенно пришли в негодность. Два куда более крупных проекта Fonden — целлюлозно-бумажный завод Pulpaca и (простите, если это кому-то покажется забавным каламбуром) алюминиевый комбинат Serlaca, — на начало строительства которых были потрачены сотни миллионов долларов (почти $600 млн в начале строительства Pulpaca и почти $2 млрд в итоге по состоянию на 2015 год), тривиально превратились в добрый социалистический долгострой... из-за нехватки финансирования. Так, госкомпания Puplaca , созданная еще в 2005 году, начала строительство комбината в 2008 году, а в 2015 году так и не запустила производство бумаги. Более новых сведений о прогрессе строительства у нас нет.

Десятки миллионов долларов расходовались хаотично на какие-то сиюминутные проекты и загадочные инвестиции на Кубе. Скорее всего (если, например, судить по состоянию валютных резервов страны) бóльшая часть средств фонда была бездарно разбазарена.

Ну и в качестве вишенки на торте виртуальная валюта petro. Опустив скучные описания механизма этого замечательного токена, обеспеченного красиво переливающейся нефтью в глубоких болотистых недрах Ориноко, для начала обозначим хотя бы некоторые цифры о динамике нефтедобычи в стране боливарианской революции и аналогичной криптовалюты. В лучшие годы, например в 1998 году, Венесуэла добывала 3.5 млн баррелей в день (примерно треть от сегодняшней добычи РФ; и это примерно на 20 млн человек населения). Еще в недавнем 2014 году добыча была на уровне чуть ниже 3 млн баррелей Сегодня это 1.5 млн баррелей в день.

Зато у страны самые большие доказанные запасы нефти в мире. Как будто. Согласно публикации Forbes 2016 года, необычайный рост резервов приключился в Венесуэле буквально в мгновение ока. С 1990-х доказанные резервы нефти медленно и спокойно росли с 60 млрд баррелей в направлении 80 млрд, на каковом уровне и были зафиксированы в 2005 году. А уже в 2007 году их было почти 300 млрд! Внезапно! Вдруг. Как такое случилось?

Одно из предположений: дьявол прячется в определении. Именно дефиниция термина proven reserves позволила боливарианским геологам сообщить о росте запасов вместе с... ростом цены на нефть. Таким образом, например, согласно определению SEC (The United States Securities and Exchange Commission), значительная часть нефти в венесуэльской земле стала как бы теоретически пригодной к добыче, что произошло исключительно благодаря росту ее рыночной цены. В результате запасы и стали доказанными. А когда цена упала, об этой методологии, видимо, просто позабыли. Бывает... Да и то верно: цена-то на сырье должна быть справедливой, а не империалистической!

И так далее, и тому подобное. Парад популизма, социалистической левизны и примкнувшего к ним национализма бедных наций — это почти всегда одновременно, увы, и торжество некомпетентности.

Нет, все же Лев Толстой с его постулатом о счастливых и несчастливых семьях не очень подходит нам в качестве гуру для описания экономических феноменов. Все-таки и не вполне счастливые страны экономически и — почти всегда в параллель с этим — институционально похожи друг на друга. Весьма. Но нет худа без добра: выявление столь ярких закономерностей и в счастье, и в несчастье оставляет надежду на то, что экономика — все же наука... Шутка, конечно!

ПАРАД ПОПУЛИЗМА, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛЕВИЗНЫ И ПРИМКНУВШЕГО К НИМ НАЦИОНАЛИЗМА БЕДНЫХ НАЦИЙ — ЭТО ПОЧТИ ВСЕГДА ОДНОВРЕМЕННО, УВЫ, И ТОРЖЕСТВО НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ